

Э.Л. Сидоренко

## УСПЕШНЫЕ ПРАКТИКИ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ЛИЦ, СООБЩАЮЩИХ О ФАКТАХ КОРРУПЦИИ

**Аннотация.** В работе проанализирован зарубежный опыт правовой защиты лиц, сообщающих о фактах коррупции. Основное внимание уделяется субъектному составу лиц, подлежащих защите, государственным гарантиям безопасности государственных служащих и сотрудников, работающих в частном секторе. На примере законодательства стран – лидеров рейтинга Transparency International (доклад «Законодательство о защите заявителей в странах Большой Двадцатки. Приоритеты для действий») прорабатываются возможности расширения правовых гарантий защиты осведомителей в России. С использованием системного и сравнительно-правового методов автор разделяет работу на пять основных блоков: круг лиц, подлежащих защите, каналы передачи информации, меры правовой защиты, поощрение осведомителей и уголовная ответственность на нарушение прав осведомителей. На основе сравнения правовых норм и практики их применения обосновывается мысль о том, что западные практики в России могут быть применены лишь отчасти ввиду их низкой эффективности. В частности, ставится под сомнение необходимость сужения круга лиц, подлежащих правовой защите, и нераспространение статуса осведомителей на представителей отдельных государственных органов.

**Ключевые слова:** коррупция, информирование, осведомительство, правовая защита, лицо, сообщающее о факте коррупции, ответственность, правовые гарантии, материальное поощрение, государственный служащий, должностное лицо.

Как участник международных соглашений, Российская Федерация приняла на себя ряд обязательств по приведению национального законодательства в соответствие с международными стандартами противодействия коррупции<sup>1</sup>.

В частности, в рамках саммита «Группы двадцати» в Сеуле в ноябре 2010 года был принят Антикоррупционный План действий (Приложение III к Рамочному соглашению «Группы 20» по обеспечению уверенного, устойчивого и сбалансированного экономического роста), который предусматривает обязанность сторон, в том числе и России, принять до конца 2012 года законодательные акты, направленные на защиту заявителей о случаях коррупции: «В целях защиты от дискриминации и репрессивных мер в отношении лиц, добросовестно сообщающих о предполагаемых актах коррупции, страны «Группы двадцати» к концу 2012 года примут и будут осуществлять правила по защите таких лиц. С этой целью, опираясь на имеющийся опыт работы таких организаций, как ОЭСР и Всемирный банк, эксперты «Группы двадцати» изучат и обобщат действующие законы и правоприменительную практику в области защиты лиц, сообщающих информацию, и предложат наилучшие виды практики и законы по защите указанных лиц»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Сидоренко Э.Л. Антикоррупционные стандарты ОЭСР и их реализация в национальном уголовном праве (опыт прохождения странами третьей фазы оценки) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 1. С. 85 – 88.

<sup>2</sup> <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d51a1a22de759f698a.pdf>

В конце сентября 2014 года Transparency International – Австралия совместно с Мельбурнским университетом и университетом Гриффита и организацией Blueprint for freespeech представили доклад «Законодательство о защите заявителей в странах Большой Двадцатки. Приоритеты для действий» (Whistleblower Protection Laws in G20 Countries. Priorities for Action).

Этот доклад подробно анализирует законодательство, сравнивая его с принципами, рекомендованными ведущими международными организациями. Авторы документа выделяют 14 критериев оценки, включая сферу законодательного регулирования, полноту определения правонарушений и заявителей, наличие различных каналов сообщений, возможность анонимных заявлений и защиту конфиденциальности, полноту защиты заявителей, независимый надзор и прозрачность законодательства.

По каждому из 14 критериев в каждой стране выставлялось две оценки – о наличии соответствующих положений в законодательстве, регулирующем деятельность государственных органов и частных компаний.

Оценки выставлялись по трехбалльной шкале: от 1 (полностью или почти полностью соответствующее требованиям) до 3 (совершенно не соответствующее требованиям). Россия оказалась худшей с точки зрения защиты заявителей в частном секторе – она получила оценку «3» по всем пунктам. Лучшими оказались США. В государственном секторе США поделили пальму первенства с Австралией. Худшие показатели представили Саудовская Аравия (13 «троек» и 1 «двойка») и Мексика (11 «троек»). Россия закрывает пятерку худших по

защите заявителей в госсекторе – без единого высшего балла. Вместе с тем, эксперты отметили наличие в России процедур защиты заявителей в рамках общих мер безопасности свидетелей и потерпевших<sup>3</sup>.

К сожалению, к моменту проведения мониторинга Российской Федерации не удалось подготовить и принять специальный закон о защите лиц, заявивших о факте коррупции. Только в начале 2015 года на суд экспертного сообщества был представлен проект федерального закона «О защите лиц, сообщивших о коррупционных правонарушениях, от преследования и ущемления их прав и законных интересов». Данный законопроект был разработан Министерством труда и социальной защиты населения РФ и 2 марта 2015 года был опубликован на Едином портале для размещения информации о разработке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатов их общественного обсуждения ([www.regulation.ru](http://www.regulation.ru)).

Содержание этого документа вызвало острые споры в экспертном сообществе относительно субъектного состава информаторов, объема гарантий защищенности, каналов передачи информации и размера денежного вознаграждения. Но в целом, характер и направленность дискуссии подтвердили неготовность практики к восприятию новых идей, незнание зарубежных моделей противодействия коррупции и неготовность юристов к оценке возможностей применения этих моделей в России.

В числе проблем, требующих первоочередного решения, следует назвать **определение лиц, имеющих право на защиту**.

В некоторых странах защита предоставляется только государственным служащим (как, например, в США), однако в таких странах, как Великобритания, Корея, Япония, Южная Африка, обеспечивается безопасность и работников частных компаний.

Среднюю позицию по данному вопросу занимают Австралия и Великобритания: ограничивая институт осведомительства преимущественно публичным сектором, они не делают различий между действующими и бывшими сотрудниками. Защита распространяется не только на государственных служащих, но и на консультантов, контрагентов, временных работников, бывших работников, стажеров, практикантов, и тех, кто выполняет агентские функции.

В этой связи не ясна позиция разработчиков российского законопроекта. Определяя круг лиц, подлежащих защите, они чрезмерно сужают его, оставляя вне рамок правовой помощи лиц, ранее уволенных с государственной или муниципальной службы или, напротив, претендующих на занятие вакантных должностей.

Неясно также, почему гарантии защиты не распространяются на лиц, работающих в компаниях, имеющих государственные контракты. Как показывает статистика, высокий объем коррупции фиксируется именно в этой сфере и помощь в раскрытии такого рода преступлений может только приветствоваться. Однако разработчики законопроекта ограничиваются указанием на работников, осуществляющих трудовую деятельность в иной организации, и, не конкретизируя статус юридического лица.

В этой связи полезным мог бы показаться опыт США. В федеральном американском законодательстве отмечается тенденция сокращения ограничений и квот на определение круга лиц, подлежащих защите. Причем не последнюю роль в этом процессе играет судебная система. В 2014 году Верховный Суд США по делу Лоусон против FMR LLC принял решение, уравнившее в статусе осведомителей – госслужащих, подрядчиков и участников акционерных обществ, паевых фондов и др.<sup>4</sup>

В то же время наблюдается и обратная тенденция: ограничение возможностей для разглашения информации в отношении отдельных категорий работников. Например, такая практика существует в Великобритании (регламентируется на законодательном уровне) и США.

Большой общественный резонанс в американском обществе вызвало дело Гарсетти против Цебаллос № 547 410 US (2006 г.).

Верховный суд США постановил, что государственные и муниципальные служащие не могут пользоваться первой поправкой к американской конституции, выступая с заявлениями, критикующими их работодателя<sup>5</sup>. Такое решение исключает всякую возможность предания гласности фактов злоупотреблений в официальных структурах.

Верховный суд США вынес столь ошеломляющее решение в ходе судебного разбирательства по делу калифорнийского прокурора, который утверждал, что ему было отказано в продвижении по службе, более того, он был понижен в должности после того, как указал своему начальству на ошибку в криминальном разбирательстве. Апелляционный суд, в который обратился истец, решил дело в его пользу, аргументировав свое решение первой поправкой, гарантирующей гражданам США свободу слова. Однако дело попало в Верховный суд, который пятью голосами против четырех постановил, что первая поправка к конституции не распространяется на госслужащих. Это решение ограничивает в правах 20 миллионов американцев, которые работают в государственных и муниципальных учреждениях.

<sup>3</sup> <http://www.transparency.org.ru/zashchita-zaiavitelei/zashchita-zaiavitelei-luchshie-praktiki-i-khudshie-primery>

<sup>4</sup> Lawson v. FMR LLC. № 12-3 (2014).

<sup>5</sup> Ceballos v. Garcetti, 361 F.3d 1168, 1173 (9th Cir. 2004)

Администрация Белого дома, не задумываясь, одобрила это нововведение, утверждая, что подобное решение поможет «защитить» правительственные структуры от нападков сотрудников, которые могут заявить, что вскрывают должностные злоупотребления, но на самом деле просто-напросто затаили обиду на начальство. Директор юридического департамента правозащитной организации Американский союз гражданских свобод Стивен Шапиро заявил: «В наш век, когда правительство все больше и больше секретничает, Верховный суд облегчает задачу сокрытия важной информации, затрудняя работу тех, кто мог бы сообщить о важных фактах»<sup>6</sup>.

К счастью, эта практика пока еще не является нормой. В других своих решениях суды США (например, дело Пикеринг против Совета по образованию, 391 563 США (1968)) подтверждают, что лицо вправе выражать свою позицию, публично критикуя действия властей и указывая на недочеты и проступки в их деятельности<sup>7</sup>.

В целях создания максимально строгой системы отбора заявлений, в США была учреждена структура, эквивалентная судейству по разрешению административных дел, которая отбирает обращения, требующие судебного рассмотрения. Этим занимаются генеральные инспекторы. Они являются независимыми лицами и занимаются исключительно расследованием фактов коррупции. В итоге, отсеивается около 97% заявлений, поступающих от государственных служащих о фактах коррупции со стороны их работодателей.

В то же время в США наблюдается и обратный процесс – расширение возможностей сообщать о фактах коррупции по стороны сотрудников разведывательных управлений и иных лиц, обладающих секретной информацией<sup>8</sup>.

**Другая проблема – это сочетание внутренних и внешних каналов сообщений.**

Условно в мировой практике выделяется три возможных способа передачи информации о фактах коррупции:

1) внутренний канал. Под «внутренним» сообщением понимается сообщение о правонарушении во внутреннее подразделение компании (государственного, муниципального органа). Таким подразделением может быть служба кадров, специальный сотрудник юридического департамента, отдел compliance. В некоторых государствах (Великобритания, Южная Африка, Канада) требуется,

чтобы заявитель пользоваться «внутренними» способами заявления о коррупции, прежде чем обратиться во внешний орган;

2) внешний канал. «Внешнее» сообщение может осуществляться в специальный орган государственной власти, в профсоюзы, в правоохранительные органы с заявлением о факте коррупции и с заявлением о нарушении прав заявителя. В этой части интерес представляет опыт ЮАР. Закон о раскрытии охраняемой информации 2000 г. (South Africa's Protected Disclosure Act 2000) не ограничивает осведомителей в выборе адресата раскрытия информации. Это может быть: практикующий юрист или лицо, чья профессия предполагает дачу правового совета или консультации, работодатель, органы местного самоуправления, администрация Провинции, Общественный защитник, а также любое иное лицо или СМИ.

Но уже сейчас эксперты отмечают серьезный конфликт между этим правомочием и запретом на разглашение секретной информации. Особенно если учесть, что за ее разглашение в законодательстве ЮАР предусматривается ответственность от 5 до 25 лет лишения свободы<sup>9</sup>.

В большинстве же стран заявитель может направить сообщение о фактах коррупции в СМИ или правозащитные общественные организации. Однако в некоторых странах (например, Великобритания), этим способом рекомендуется пользоваться в крайнем случае. Например, в Австралии заявитель должен обращаться к журналистам, только если орган, в который было сделано заявление, принял решение не проводить расследование, не дал никакой рекомендации после расследования, или не сообщил заявителю о своем решении в течение 6 месяцев.

Интересен подход швейцарского законодателя. Сотрудник обязан сообщить о факте коррупции, прежде всего, по внутренним каналам, но за ним сохраняется право обратиться к третьим лицам и СМИ, если:

1) в установленный работодателем срок, но не более 60 дней, ответ не получен;

2) работодатель не провел необходимую проверку информации, работник предвидит увольнение или объективные трудности рассмотрения дела или существует опасность для жизни, здоровья и окружающей среды.

3) существует также модель «третьей стороны». Ее суть заключается в том, что специально образованные организации информируют о фактах кор-

<sup>6</sup> Dooley K, Cain R.C. Case Summaries: Garcetti v. Ceballos // <http://www.radford.edu/content/va-chiefs/home/july-2006/garcetti-v-ceballos.htm>

<sup>7</sup> <http://firechief.wpengine.com/>

<sup>8</sup> Президентская директива от 19 октября 2012 г.

<sup>9</sup> Cloete F. Knowledge management and trust in government: Lessons from South Africa // 7th Global Forum on Reinventing Government: Building Trust in Government 26 – 29 June 2007 Vienna, Austria

рупции руководителей государственных учреждений или коммерческих корпораций, не раскрывая сведений о заявителях. Такие учреждения организованы во многих странах мира, но особенно развиты в США, Канаде, Корее и др.

Негативной является практика определения сроков для обращения с заявлением о факте преступления. В числе стран, отличающихся широким временным диапазоном, следует отметить США. По некоторым делам сроки максимально короткие – около 10 дней (например, такие требования установлены в Аризоне и Огайо в отношении подачи жалоб государственных служащих). 30 дней – на сообщение о безопасности и гигиене в Управление по охране труда; 45 дней – на подачу заявления о дискриминации, мести или других нарушениях законов о гражданских правах; 90 дней – на жалобу сотрудников авиакомпаний; 180 дней – для сотрудников атерных компаний и водителей грузовиков.

Для обращений в Национальный совет по трудовым отношениям предоставляется 6 месяцев. Те, кто от дискриминационных действий в ответ на факт осведомления, имеют 2 или 3 года на то, чтобы обжаловать решение.

Вряд ли эта практика будет приемлема в России<sup>10</sup>. Печальный пример тому – декриминализация и повторная криминализация клеветы. Как известно, возврат нормы в уголовный закон во многом был обусловлен тем, что суды просто не успевали в отведенные им сроки рассмотреть административные дела о клевете.

Что же касается подготовленного проекта федерального закона, то в нем разработчики не вносят ясности в порядок и сроки рассмотрения заявлений, отсылая правоприменителя к соответствующим указам Президента РФ (ст. 2 законопроекта).

Третья проблема – это **обеспечение защищенности осведомителей от необоснованных увольнений или иных форм дискриминации**.

Несмотря на то, что система правовой защиты осведомителей во многих странах оценивается позитивно, на практике они вынуждены сталкиваться в увольнениями, необоснованными сокращениями и даже незаконным помещением в психиатрический стационар (ветеран Нью-Йоркского отделения полиции Эдриан Скулкрафт сообщил о массовой фальсификации криминальной статистики, а позднее психиатрической комиссией, созданной по инициативе работодателя, был признан невменяемым и отправлен в психиатрическую больницу)<sup>11</sup>.

<sup>10</sup> Сидоренко Э.Л. Реформирование российского антикоррупционного законодательства: требование ОЭСР или правовая необходимость // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 3. С. 188 – 194.

<sup>11</sup> Malinowski N. Opportunistic NYPD Leaks: Undermining Public Safety and Community Trust // <http://www.huffingtonpost.com/news/adrian-schoolcraft/>

Практикуемое в западных странах отсеивание информаторов – непрохождение ими медицинского и особенно психиатрического освидетельствования (дело Дональда Созкена 1978 г.).

В 2012 году работник национальной лаборатории Oak Ridge Чарльз Д. Варнадоре появился на телевидении, чтобы высказать опасения о распространения рака среди своих коллег и слабой защиты от радиации. Его руководители перевели его работать в комнату с высоким содержанием токсичных и радиоактивных веществ, отстранив его от ранее выполняемых обязанностей. Впоследствии эти действия были признаны судом моббингом, т.е. действиями, направленными на дискриминацию осведомителей. Министерством энергетики США было предписано выплатить Варнадоре все убытки и удовлетворить требование и компенсации морального вреда<sup>12</sup>.

Четвертая проблема – это **стимулирование заявителей о коррупции**.

Существующие модели можно разделить на три блока:

- создание системы вознаграждений;
- мероприятия по популяризации неприятия коррупции (рекламная компания, обучение, распространение информации, постоянный обзор и анализ практики сообщений о коррупции).

В основу антикоррупционной политики США заложен тезис о том, что выплата премии заявителю о коррупции стимулирует работника к обращению с заявлением о фактах коррупции. В стране предусмотрена возможность предъявления индивидуальных исков от лица государства о возмещении вреда, причиненного коррупционным деянием и получения от 10% до 30% от взысканной суммы.

Например, в 2013 году один из информаторов получил 14 млн. долларов, а в среднем выплачиваемая сумма составляет 240 тыс. долларов.

Малоизвестен тот факт, что закон Додда-Франка был принят в 2010 году для того, чтобы предотвратить банковский крах, связанный с ипотечным кризисом. Именно по этой причине было принято решение поощрять доноительство относительно коррупции и финансовых правонарушений.

Однако практика реализация этой нормы заставляет сомневаться в ее эффективности не только в Соединенных штатах, но и за их пределами.

В июне 2014 года, правительство Великобритании заявило о своем намерении изменить отношение общества к доночеству. Было заявлено о намерении создать федеральную программу осведомителей. Для того, чтобы быть эффективной, эта программа, по мнению разработчиков, должна:

<sup>12</sup> <http://www.nndb.com/people/542/000369432/>

1. обеспечивать обязательные (а не по своему усмотрению) процент награды информаторов. Успешные и щедрые награды должны мотивировать других информаторов;
2. создавать структуры, которые укрепляли бы партнерские связи с осведомителями и их адвокатами, что усилило бы приток частных ресурсов и опыта;
3. поощрять – но не требовать от информаторов сообщить о коррупции;
4. держать личность информаторов в секрете, насколько это возможно в рамках закона;
5. предусматривать компенсацию за потерянные доходы, а также восстанавливать на работе в случае увольнения;
6. прекращать дела, возбужденные в отношении осведомителей.

Но по мере рассмотрения возможностей финансирования этой кампании правительство Великобритании стало склоняться в пользу отмены материального стимулирования осведомителей. Поводом для таких выводов послужил отчет, подготовленный Банком Англии, о влиянии финансовых стимулов на информаторов в США.

В нем, в частности, отмечается, что в Соединенных штатах:

- 1) только незначительная часть осведомителей получили компенсацию. Подавляющее большинство не получают денег вовсе;
- 2) нет эмпирических данных, говорящих об увеличении числа и качества раскрытия информации, полученной от информаторов;
- 3) введение стимулов сопровождается введением сложной и дорогостоящей процедуры.

Что же касается материального стимулирования лиц, сообщивших о факте коррупции, то в докладе особо подчеркивается, что

- 1) эта практика подорвет внутренние механизмы реагирования на коррупцию, а именно они лежат в основе английской модели;
- 2) есть серьезные опасения, что такая система может привести к фальсификации отчетности, провокациям, мошенничеству, конфликту интересов ввиду отсутствия ясности критериев квалификации.

В проекте федерального закона РФ «О защите лиц, сообщивших о коррупционных правонарушениях, от преследования и ущемления их прав и законных интересов» предусматривается материальное стимулирование лиц в размере от 5 до 15% от суммы взятки, коммерческого подкупа и др., что поддерживается далеко не всеми учеными и практиками.

Ссылаясь на позицию английских властей, многие эксперты забывают о положительном опыте развития данного института в странах СНГ, в частности, в Казахстане.

Постановление Правительства Республики Казахстан от 23 августа 2012 года № 1077 утвердило Правила

поощрения лиц, сообщивших о факте коррупционного правонарушения или иным образом оказывающих содействие в борьбе с коррупцией.

Для лиц, сообщивших о факте коррупционного правонарушения или иным образом оказывающих содействие в борьбе с коррупцией, устанавливаются поощрения, осуществляемые в форме единовременного денежного вознаграждения.

Поощрение в виде денежного вознаграждения устанавливается в следующих размерах:

- 1) по административным делам о коррупционных правонарушениях – 30 месячных расчетных показателей (далее – МРП);
- 2) по уголовным делам о коррупционных преступлениях небольшой тяжести – 40 МРП;
- 3) по уголовным делам о коррупционных преступлениях средней тяжести – 50 МРП;
- 4) по уголовным делам о тяжких коррупционных преступлениях – 70 МРП;
- 5) по уголовным делам об особо тяжких коррупционных преступлениях – 100 МРП.

В случаях, предусмотренных пунктом 6 Правил, могут устанавливаться поощрения в виде награждения грамотой или объявления благодарности.

Поощрение осуществляется в случае, если информация, представленная лицом, соответствует действительности и в отношении виновного лица:

- 1) вступило в законную силу постановление суда о наложении административного взыскания;
- 2) вступил в законную силу обвинительный приговор;
- 3) вынесено постановление о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям<sup>13</sup>.

Пятый вопрос – **уголовно-правовые меры обеспечения безопасности заявителей о фактах коррупции**

Необходимо отметить, что в Канаде на уровне федерального закона закреплена возможность для любого государственного служащего сообщать о неправомерных действиях должностных лиц. Государство гарантирует служащему, сообщающему о факте использования каким-либо должностным лицом служебного положения в личных целях, защиту и сохранение конфиденциальности сведений о лице, предоставившем такую информацию. В том случае, если раскрытие информации о лице, ее предоставившем, необходимо в каких-либо целях, Законом предусматривается его защита от возможного «негативного воздействия» со стороны вышестоящих чиновников, связанного с прохождением им государственной службы.

<sup>13</sup> Семькина О.И. Тенденции уголовной политики государств – участников СНГ в сфере совершенствования законодательства // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. № 2. С. 18 – 29.

В УК Словении существует норма, направленная на защиту осведомителей, сообщающих о фактах коррупции в Комиссию по противодействию коррупции. В соответствии с законом, тюремным заключением наказывается

лицо, раскрывшее информацию о личности осведомителя, сообщившего о факте коррупции, если это раскрытие причинило последнему серьезные последствия (ст. 287 «Нарушение конфиденциальности разбирательства»).

### **Библиографический список:**

1. Защита заявителей: лучшие практики и худшие примеры // <http://www.transparency.org.ru/zashchita-zaiavitelei/zashchita-zaiavitelei-luchshie-praktiki-i-khudshie-primery>
2. Семыкина О.И. Тенденции уголовной политики государств – участников СНГ в сфере совершенствования законодательства // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. № 2. С. 18 – 29.
3. Сидоренко Э.Л. Антикоррупционные стандарты ОЭСР и их реализация в национальном уголовном праве (опыт прохождения странами третьей фазы оценки) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 1. С. 85 – 88.
4. Сидоренко Э.Л. Реформирование российского антикоррупционного законодательства: требование ОЭСР или правовая необходимость // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 3. С. 188 – 194.
5. Ceballos v. Garcetti, 361 F.3d 1168, 1173 (9th Cir. 2004).
6. Cloete F. Knowledge management and trust in government: Lessons from South Africa // 7th Global Forum on Reinventing Government: Building Trust in Government 26 – 29 June 2007 Vienna, Austria
7. Dooley K, Cain R.C. Case Summaries: Garcetti v. Ceballos // <http://www.radford.edu/content/va-chiefs/home/july-2006/garcetti-v-ceballos.htm>
8. Fire Chief // <http://firechief.wpengine.com/>
9. Lawson v. FMR LLC. # 12-3 (2014).
10. Malinowski N. Opportunistic NYPD Leaks: Undermining Public Safety and Community Trust // <http://www.huffingtonpost.com/news/adrian-schoolcraft/>
11. NNDB // <http://www.nndb.com/people/542/000369432/>

### **References (transliteration):**

1. Zashchita zayavitelej: luchshie praktiki i khudshie primery // <http://www.transparency.org.ru/zashchita-zaiavitelei/zashchita-zaiavitelei-luchshie-praktiki-i-khudshie-primery>
2. Semykina O.I. Tendentsii ugovnoj politiki gosudarstv – uchastnikov SNG v sfere sovershenstvovaniya zakonodatel'stva // Biblioteka ugovnogo prava i kriminologii. 2015. № 2. S. 18 – 29.
3. Sidorenko E.L. Antikorruptsionnye standarty OEHSR i ikh realizatsiya v natsional'nom ugovnom prave (opyt prokhozhdeniya stranami tret'ej fazy otsenki) // Zhurnal zarubeznogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2014. № 1. S. 85 – 88.
4. Sidorenko E.L. Reformirovanie rossijskogo antikorrupsionnogo zakonodatel'stva: trebovanie OEHSR ili pravovaya neobkhodimost' // Vestnik MGIMO Universiteta. 2014. № 3. S. 188 – 194.